

Социальные идентичности современной студенческой молодежи: особенности и векторы трансформации

Л.Г. Сокурская

В статье анализируются теоретические концепты и результаты эмпирического изучения факторов конструирования пространства идентичностей современной личности. Особое внимание уделяется факторной обусловленности гражданской, этнической, глобальной и т.д. идентичностей украинского студенчества времен независимости, в частности, роли их в формировании образовательных дискурсов, культурного капитала родительской семьи, дигитал-компетентности будущих специалистов и др.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, пространство идентичностей, факторы трансформации пространства идентичностей, студенческая молодежь.

У статті аналізуються теоретичні концепти та результати емпіричного вивчення чинників конструювання простору ідентичностей сучасної особистості. Особлива увага приділяється факторній обумовленості громадянської, етнічної, глобальної і т.д. ідентичностей українського студентства часів незалежності, зокрема ролі в їх формуванні освітніх дискурсів, культурного капіталу батьківської сім'ї, дигітал-компетентності майбутніх фахівців тощо.

Ключові слова: ідентичність, ідентифікація, простір ідентичностей, чинники трансформації простору ідентичностей, студентська молодь.

У артыкуле аналізуюцца тэарэтычныя канцэпты і вынікі эмпірычнага вывучэння фактараў канструавання прасторы ідэнтычнасцяў сучаснай асобы. Асабліва ўвага надаецца фактарнай абумоўленасці грамадзянскай, этнічнай, глабальнай і г.д. ідэнтычнасцяў украінскага студэнцтва часоў незалежнасці, у прыватнасці ролі ў іх фарміраванні адукацыйных дыскурсаў, культурнага капіталу бацькоўскай сям'і, дзігітал-кампетэнтнасці будучых спецыялістаў і інш.

Ключавыя словы: ідэнтычнасць, ідэнтыфікацыя, прастора ідэнтычнасцяў, фактары трансфармацыі прасторы ідэнтычнасцяў, студэнцкая моладзь.

Theoretical concepts and results of empirical studies of factors of constructing the identity scope of a contemporary personality are analyzed. Special attention is paid to the factor determination of civil, ethnical, global and other kinds of identities of Ukrainian studentship, in particular, to their role in forming educational discourse, cultural capital of parent family, digital competence of future specialists etc.

Key words: identity, identification, space identities, factors of transformation of space identities, the student youth.

В современном социологическом словаре, да и в социальном дискурсе, пожалуй, нет более популярных понятий, чем «глобализация» и «идентичность». Как представляется, такой тандем можно объяснить тесной взаимосвязью соответствующих этим концептам феноменов, а их популярность на уровне специализированного и обыденного сознания – существенными изменениями в пространстве индивидуальных и групповых идентичностей, в том числе и прежде всего спровоцированными процессами глобализации¹ всех сфер жизнедеятельности современных обществ.

Эти процессы в сочетании с локальными трансформациями, в частности, с постмодернизацией ценностного сознания, детерминируют значительные изменения такого многофункционального социального феномена, как социализация, в том числе ее важнейшего механизма – идентификации. Как полагают некоторые исследователи, сложившаяся социокультурная ситуация приводит к тому, что индивидуальная идентичность, сформировавшаяся в этих условиях, становится «размытой», «вероятностной», виртуализированной². Все эти характеристики прежде всего можно отнести к молодежным идентичностям, находящимся в поле нашего исследовательского интереса.

Цель данной статьи – анализ теоретических интерпретаций и результатов эмпирических исследований, свидетельствующих об изменениях в пространстве идентичностей молодежи, в частности студенческой, а также факторной обусловленности этих изменений.

¹ Как подчеркивает Э. Гидденс, процессы глобализации мирового сообщества теперь проникают в самое сердце человеческой личности – *self*. Я-идентичность теперь предстает как объект, который постоянно рефлексивируется, компонуется, переформируется; переформируется даже сама способность к рефлексии (Giddens A. *Modernity and Self identity: Self and society in late modern age*. Cambridge, 1991. P. 12-14).

² В этом контексте подчеркнем, что постмодернистский социологический дискурс проблематизирует существование феномена (и соответствующего ему понятия) идентификации, провозглашая его мифический и иллюзорный характер. См., напр.: Giddens A. *Modernity and Self identity: Self and society in late modern age*. Cambridge, 1991; Gergen K. *The saturated Self*. N.Y., 1991.

Научное, в том числе социологическое, изучение проблем идентификации и идентичности имеет достаточно давнюю традицию. Так, К. Платмер пишет, что термин идентичность «начали анализировать в своих произведениях Дж. Локк и Д. Юм. Однако широко понятие «идентичность» стало применяться не ранее XX в. Оно завоевало особую популярность в пятидесятые годы в Северной Америке, благодаря публикации книг «Одинокая толпа» (The Lonely Crowd) Рисмена и др. (1950 г.) и «Идентичность и тревога» (Identity and Anxiety) Стайна и др., (1960 г.)»¹. И все же своей популярностью понятие «идентичность» прежде всего обязано Э. Эриксону. Именно благодаря ему «в США и Западной Европе это понятие вошло не только в научный дискурс, но и в повседневное мышление»². Э. Эриксон по праву считается автором одной из наиболее известных и глубоко проработанных теорий идентичности. Серьезный вклад в социологическую концептуализацию идентичности внесли такие западные ученые, как:

- Дж. Мид, понимавший под идентичностью способность человека воспринимать свое поведение как связанное, единое целое, равновесную систему импульсивного, внутриспсихического *I* и социального *Me*, которая гарантирует успешную адаптацию человека;
- П. Бергер и Т. Лукман, рассматривающие её с точки зрения социального конструирования реальности как феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и конкретного общества;
- И. Гоффман, анализировавший идентичность в условиях множественности социальных ролей;
- Э. Гидденс, который связывает идентичность с социальной структурой, показывая, как социальные институты формируют личностную идентичность индивидов, обеспечивая относительно устойчивый социальный порядок;
- Я. Крейб, подчеркивающий, что идентичность переживается в опыте, образуя целостное психическое пространство, которое помогает преодолеть трудности взаимодействия с внешним миром, совмещая в себе индивидуальные и социальные компоненты *self* (то есть индивидуальную и социальную идентичности);
- Р. Дженкинс, отдающий предпочтение социальному, нормативному аспекту идентичности;
- С. Холл, полагающий, что идентичность конструируется дискурсивно, поскольку видит в языке творца социальной жизни;
- А. Турен, определяющий идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта³ и др.

Среди современных российских и украинских социологов, исследующих идентификационные процессы и их результаты на постсоветском пространстве, в том числе в молодежной среде, необходимо назвать В. Арбенину, О. Борисову, Е. Белинскую, Е. Данилову, В. Евтуха, А. Жичкину, С. Климову, С. Крымского, С. Макеева, А. Мусиездова, В. Николаева, Е. Омельченко, С. Оксамитную, О. Павлову, В. Середу, О. Симонову, Н. Федотову, Н. Черныш, Е. Швачко, В. Ядова и др.⁴.

¹ Цит. по: Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / пер. с англ.: Хрестоматия. Казань, 1995. С. 93.

² Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45.

³ См.: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. СПб., 2000. С.43; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995. С. 281; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y., 1963; Giddens A. Modernity and Self identify: Self and society in late modern age. Cambridge, 1991. P. 37-38; Craib I. Experiencing Identity. L.; 1998; Jenkins R. Social Identity. L., 1996. 3.9-10; Hall S. Introduction. Who needs identity? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. L., 1996; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

⁴ См., напр.: Борисова О.А. Проблематизация выделения социологии идентичности в структуре социологического знания // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Социология и философия». 2003. Сентябрь. С. 75-88; Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка – пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М., 2000. С. 431-460; Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 21-28;

Благодаря теоретическим поискам перечисленных нами выше и многих других отечественных и зарубежных ученых в современном социологическом знании идет активный процесс становления новой отрасли – социологии идентичности, перспективы развития которой «связаны с одной из главных социологических задач – изучением социальной стратификации»¹. По мнению С. Климовой, специфически социологический анализ идентичности заключается в исследовании взаимосвязи между индивидом и социальной структурой, в изучении меры «встроенности человека в социально конструируемые категории»². Процесс «встраивания», то есть идентификация и факторы, её обуславливающие, естественно, тоже находятся в поле внимания социологов.

Войдя в научный обиход благодаря теории психоанализа З. Фрейда, понятие «идентификация» в социологической трактовке означает процесс усвоения индивидом нормативных стандартов поведения, ценностей, идеалов, ролей, системы качеств представителей тех социальных групп, с которыми он себя отождествляет.

В современном социогуманитарном знании социальная идентификация анализируется с точки зрения различных направлений. Кроме названного нами выше психоанализа, это и когнитивная психология, и социальная антропология, и ролевая теория, и символический интеракционизм, и теория идентификации как рефлексивного биографического проекта, то есть те же теории, в рамках которых исследуются феномены идентичности (более того некоторые авторы ставят знак равенства между понятиями «идентификация» и «идентичность»).

В исследовании идентификационных стратегий и практик современного студенчества мы исходили из определения понятия «идентификация», сформулированного С. Макеевым, который под социальной идентификацией понимает попытки индивида отыскать в социальном пространстве себе подобных и причислить себя к ним, дистанцируясь от тех, кто отличается от него по каким-либо значимым признакам³. Концентрируя внимание на проблемах идентификационных процессов в молодёжной среде, мы обращаемся как к личностному, так и к групповому уровню данного процесса. Ибо, как подчеркивает В.А. Ядов, собственно социологический фокус исследования идентификации (в отличие от психологического и социально-психологического) формируется за счет выделения тех социально-культурных детерминант, которые определяют процесс *групповой* солидарности⁴.

Как уже подчеркивалось, внимание социологов к процессу идентификации обусловлено тем, что его результат – индивидуальная и социальная идентичность выступает в качестве одного из основных факторов формирования социальных групп, социальных связей, социальной дифференциации. Принятие той или иной идентичности предопределяет *связь идентификации с сигнификацией*, понимаемой как процесс реализации этой идентичности в повседневных практиках человека или группы. Именно поэтому сигнификация, как и идентификация, включена в механизм социализации личности.

Процесс идентификации, по З. Фрейду, выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он является механизмом социализации, с другой, – осуществляет защитную (адаптивную) функцию. Поэтому разрыв идентичностей (или их ослабление) превращает повседневное окружение человека в чужой, а, может быть, и враждебный ему мир. Представляется, что последнее характерно сегодня для некоторых представителей старшего поколения, переживающего достаточно острый кризис идентичности. В условиях стабильного общества идентификация способствует достижению человеком гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями о нём других, между социальным и индивидуальным «Я». По мере развития личности её идентичность «испытывается» вызовами из-

Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В. Социальные идентификации и идентичности. Киев, 1996.; Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50-58; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 35-52; и др.

¹ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности / Социологический журнал. 2008. № 3. С. 59.

² Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социс. 2000. № 12. С. 14.

³ Макеев С. Процессы социальной структуризации в современной Украине // Полис. 1998. № 3. С. 49-60.

⁴ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 37.

меняющегося внешнего мира, в том числе, особенно в современных условиях, в его глобальных контекстах. Отсюда возможность нормативного, психосоциального кризиса, впервые отмеченная Э. Эриксоном. Кризис этот выражается в активном осмыслении человеком собственного места в мире, своих целей, стремлений и отношений с другими людьми. Тем не менее, считает Э. Эриксон, такой кризис – неизбежный этап саморазвития личности или социальной группы, их движение на пути к обретению новой, более зрелой идентичности. Ученый подчеркивал тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития. Кризис идентичности, как правило, наступает в том случае, когда начинающийся под влиянием острого социального кризиса распад ранее доминирующих идеалов и ценностей вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в изменяющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой, то есть именно тот процесс, который характерен сегодня для абсолютного большинства постсоветских стран, в том числе для Украины.

Социальный кризис сопровождается нарушением «идеологической цельности» общества, расшатыванием его прежней системы ценностей. При этом отдельные, наиболее одарённые индивиды попадают в состояние «психосоциального моратория», т.е. не принимают общепринятых ценностей, а формируют свою собственную, отличную от принятой, ценностную систему. Это и предопределяет обособление данного сообщества от других, проведение границы между ними, выяснение степени близости или удаленности их социальной позиции («маркировка различий») от той, которая признаётся «своей», а значит, является наиболее предпочтительной. Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации; только в результате взаимодействия, прямого и опосредованного, с иной группой данная общность обретает свои особые признаки. Можно сказать, что результат идентификации (идентичность) – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других.

Попытаемся несколько подробнее проанализировать особенности идентификационных процессов в современной Украине, акцентируя внимание на такой социальной группе, как студенчество. Прежде всего подчеркнём, что в условиях трансформации украинского социума, сопровождающейся перманентным экономическим и политическим кризисом, идет процесс размывания традиционных групп общества, в том числе социально-профессиональных, появляются новые формы межгрупповой интеграции. Классовая и групповая идентификация, культивировавшаяся в сознании людей на протяжении многих десятилетий, начинает вытесняться индивидуальной, внутригрупповой, корпоративной¹. Заметим, что данный процесс не является локальным, а имеет скорее всеобщий характер. Об этом пишут, как отмечалось выше, многие западные исследователи, подчеркивая, что время твердых и незыблемых идентичностей ушло. Утрата контроля над воспроизводством и конструированием значительной части индивидуальных и групповых идентичностей приводит к тому, что идентичность становится объектом выбора.

Данное обстоятельство детерминируется исчезновением или существенным видоизменением объектов, с которыми индивид мог бы себя отождествить (социальных групп, иерархических слоёв, ценностей, норм, образцов поведения и т.д.). Поэтому сегодня идентичности формируются, особенно в молодёжной среде, вокруг свободного времени, потребительского поведения и самых различных символов и знаков, а не на основе профессии и позиции в публичной сфере, как это было раньше, в советские времена. Происходит, как подчеркивает С. Макеев, индивидуализация идентичностей: «они всё менее публичны и более интимны: идентичность становится скорее делом приватным, чем общественным»².

¹ Однако, как полагает С. Макеев, прежние идентичности полностью не разрушаются, а перемещаются на периферию культурного мира. Поэтому говорить о кризисе идентичности не совсем корректно, скорее мы имеем дело с «круговоротом идентичностей в социальной природе», а это перманентный процесс.

² Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности / Макеев С.А., Прибыткова И.М., Симончук Е.В. и др. Киев, 1999. С. 16.

Подвижность социального статуса различных общественных групп, в том числе студенчества, политики идентичности, реализуемые государством, с одной стороны, и глобальные вызовы с другой, значительно усложняют процессы индивидуальной и групповой идентификации. Молодой человек оказывается вне круга ранее существовавших социальных стереотипов, норм и представлений, привычных для предыдущих поколений. Современная социоструктурная трансформация, распадающаяся «связь времён» обуславливают невозможность использования идентификационных стратегий, столь распространенных в советском прошлом. В то же время снятие господствовавших ранее идеологических клише, отказ от унификации форм идентичности, динамичность социокультурной ситуации способствует становлению субъектности отдельных индивидов и групп, их самостоятельности в определении своих социальных ролей, места в новой, формирующейся системе социальной иерархии, выборе жизненной стратегии. При этом содержание идентификационных процессов на микроуровне, детерминируемое макро- и мегасоциальными изменениями, можно охарактеризовать как сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа к групповым и личностным самоидентификациям модернистского и постмодернистского типа, отличающихся амбивалентностью и неустойчивостью.

Исследования идентификационных процессов в молодежной среде, в том числе проведенные нами, свидетельствуют о том, что эти тенденции обуславливают качественные изменения в пространстве молодёжных идентичностей. Сравнивая результаты исследований 2002–2004 и 2005–2007 гг., мы прежде всего обнаружили возрастание уровня гражданской идентичности украинского студенчества. Так, если, по данным первого исследования, в полной мере ощущали себя гражданами своей страны 32 % респондентов, скорее ощущали – 36 %, то в 2006 г. два эти показателя составили, соответственно, 55 % и 31 %, обеспечив гражданскую идентичности первую позицию в иерархии идентичностей, предложенных нашим респондентам для самооценки уровня их сформированности¹. При этом наиболее существенный рост гражданской самоидентификации студентов мы зафиксировали в восточном и южном регионах Украины.

Анализ детерминант этого процесса свидетельствует о том, что наиболее нагруженными факторами являются этническая принадлежность студентов, их эмиграционные настроения, дискурсы масс-медиа и образовательные дискурсы. Причем последние (учитывая специфику объекта наших исследований – студенчество) играют особенно значимую роль в конструировании гражданской идентичности молодых украинцев. Рассматривая образование как инструмент реализации политик идентичности государства², мы, в частности, обратились к анализу школьных учебников, а также структуры и содержания вузовских учебных программ и планов. Ведь благодаря дискурсам, представленным в учебниках и учебных курсах (прежде всего по социальным дисциплинам), происходит воспроизводство доминирующих (или стремящихся к тому) идеологий, норм, ценностей, установок, создание легитимного образа общества, государства, нации и соответствующих им образов идентичности.

¹ Имеются в виду международные исследования, проведенные в 2002–2007 гг. кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина: «Высшая школа как субъект социокультурной трансформации» (по репрезентативной выборке опрошено 1972 студента украинских и 981 студент белорусских вузов) и «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» (опрошено 3057 студентов Украины, 758 студентов Белоруссии и 587 студентов России (выборка по России нерепрезентативная). В рамках исследования «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» опрос проводился в 2006 г. Статья дополнена результатами совместного исследования студентов ХНУ и УрФУ (2009 г.).

² Как подчеркивал П. Бурдьё, государство принимает участие в объединении культурного рынка, унифицируя все коды (правовой, языковой) и проводя гомогенизацию форм коммуникации. С помощью систем классификации, вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, государство формирует ментальные структуры и навязывает общие принципы видения и распределения, т.е. формы мышления. Тем самым они принимают участие в воспроизводстве того, что обычно называют национальной идентичностью (Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Поэтика и политика: Альманах рос.-франц. центра социологии и философии. СПб., 1999. С. 126-127).

Как показали результаты нашего исследования, в частности, фокусированных групповых интервью со студентами, контент-анализа школьных учебников (прежде всего букварей, учебников истории и т.д.) и содержания вузовских социогуманитарных дисциплин, а также исследования западных и российских коллег-социологов¹, существенную роль в формировании гражданской идентичности будущих специалистов сыграли те изменения, которые произошли в дискурсах, представляющих прошлое и настоящее Украины.

Что касается этнической принадлежности, то, как и следовало ожидать, более высокий уровень гражданской идентичности характерен для студентов-этнических украинцев: около 92 % из них ощущают себя в полной мере (62 %) или скорее ощущают (30 %) гражданами Украины. В то же время для этнических русских этот показатель составил только 54 %, причем в полной мере ощущают себя гражданами Украины только чуть более 18 % русских. Бизтнорам, то есть тем, кто одновременно воспринимает себя и украинцем, и русским, присущ более высокий (по сравнению с русскими) уровень гражданской идентичности. Около 31 % респондентов этой группы отметили, что в полной мере ощущают себя гражданами Украины, 36 % – скорее ощущают². У респондентов, представляющих малочисленные национальности, гражданская идентичность более выражена, чем у бизтноров. Так, 73 % из них в той или иной степени ощущают себя гражданами Украины (более 47 % – в полной мере). Формирование гражданской идентичности студенческой молодежи тесно связано с её эмиграционными настроениями. Анализируя эти настроения, мы выделили две группы – «патриотов» и «эмигрантов» (кстати, последних, то есть тех, кто хотел бы навсегда покинуть Украину, согласно данным исследования 2005–2007 гг., стало значительно меньше (около 11 %), по сравнению с результатами, полученными в 2002–2004 гг., когда почти 40 % будущих специалистов хотели уехать из своей страны).

Оказалось, что среди «патриотов» тот или иной уровень гражданской идентичности, по данным изучения 2005–2007 гг., присущ 87 % респондентов, что на 10 % больше, чем в 2002–2004 гг., среди «эмигрантов» – 75 % и 58 %, соответственно. Как видим, даже эмиграционные настроения не являются серьёзным препятствием для формирования гражданской идентичности студенческой молодежи. Заметим, что для студентов этой группы характерен и достаточно высокий уровень этнической идентичности: ту или иную степень её сформированности отметили в 2006 г. 76 % «эмигрантов». Среди «патриотов» о своей этнической самоидентификации заявили 82 % опрошенных. В этом контексте подчеркнём, что этническая идентичность студентов, возросшая за период между двумя опросами почти на 14 %, занимает второе место в иерархии социальных идентичностей украинского студенчества.

Анализ уровня этнической идентичности студентов различных национальностей показал, что и в этом отношении группа этнических русских значительно отличается от других выделенных нами групп. Если среди украинцев не ощущают свою этническую принадлежность только 7 % опрошенных (в основном это представители восточного и южного регионов страны), среди малочисленных национальностей – 24 %, среди бизтноров – 26 %, то среди этнических русских – 40 %. Эти данные подтверждают выводы некоторых исследователей о возрастающей маргинальности этнокультурного статуса русских в Украине. В региональном

¹ Хаген М. фон. Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 32–45; Портнов А. *Terra hostica*: образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 36 [Электронный ресурс] Режим доступа: www.pz-online.ru/print.html/aid=250114097

² Представляется, что низкий уровень гражданской идентичности студентов, относящихся к группе этнических русских, в том числе спровоцирован языковой политикой украинского государства, которая в последние годы стала все активнее реализовываться в сфере образования, науки, в средствах массовой информации и т.д. Мы абсолютно убеждены в том, что в нашей стране государственным языком должен быть украинский. Однако абсурдные формы, к которым, увы, нередко прибегают чиновники в названных нами выше сферах, чтобы воплотить в жизнь «Закон Украины о языке», актуализируют позицию дистанцирования этнических русских от государства и общества, в котором они живут. Еще 9 лет назад, в 2000 г., исследование, проведенное под руководством В. Арбениной в Харькове, показало, что 87 % русских жителей города воспринимали Украину своей страной, 83 % связывали с нею своё будущее, 87 % признавались, что болеют за судьбу Украины, и только 6 % выражали безразличие к её проблемам, а 4 % считали Украину чужой страной.

измерении пространства идентичностей современного украинского студенчества практически сохраняется та же иерархия самоидентификации будущих специалистов, что и по массиву в целом: на первом месте – гражданская идентичность, на втором – этническая, на третьем – региональная, на четвертом – глобальная, на пятом – европейская, наконец, на шестом – советская (в исследовании 2002–2004 гг. мы зафиксировали такую же иерархию идентичностей). Только в восточном регионе этническая и региональная идентичности поменялись местами. Более высокая значимость, точнее, осознанность региональной идентичности студентами востока Украины тесно коррелирует с более низким уровнем их этнической самоидентификации.

В контексте представленных нами выше теоретических концептов идентификационных процессов в условиях глобализации особый интерес представляет анализ так называемой глобальной идентичности студентов (восприятие себя «человеком мира»). По данным последнего исследования, такое самоощущение в той или иной степени характерно для почти 55 % респондентов, тогда как в исследовании 2002–2004 гг. «людьми мира» воспринимали себя 43 % опрошенных. При этом более высокий уровень глобальной идентичности присущ жителям запада и центра Украины, мужчинам, этническим русским и представителям малочисленных национальностей, «эмигрантам» (хотя и у «патриотов» мы зафиксировали достаточно высокий уровень глобальной идентичности), респондентам, в чьем ценностном дискурсе преобладают постмодернистские ориентации (на самореализацию, качество жизни, престижность группы принадлежности и др.), наконец, студентам с высоким культурным капиталом (прежде всего обладающим дигитал-компетентностью¹, хорошо знающим иностранный язык, много читающим и т.д.) Последний фактор, как представляется, имеет особое значение для конструирования глобальной идентичности. Интернетизация повседневности современной молодежи, виртуализация её сознания и коммуникативных практик создаёт почву для её космополитического мироощущения. Однако космополитизм значительной части украинского студенчества носит специфический характер: он сочетается с высоким уровнем гражданской и этнической идентификации, патриотическими настроениями, желанием «сделать что-нибудь полезное для своей страны» (цитируем одного из участников фокусированных групповых интервью, который идентифицировал себя как «гражданин мира») и т.д.

На фоне достаточно высокой глобальной идентичности украинского студенчества несколько «смущает» более низкий уровень европейской идентичности: только 38 % опрошенных в той или иной степени ощущают себя европейцами. Если учесть, что речь идет о молодежной когорте украинцев да ещё и о наиболее «продвинутой» её части (студенчестве), то вопрос европейской интеграции Украины становится проблематичным, ведь субъективные факторы вхождения нашей страны в Европу едва ли менее важны, чем объективные. Еще более «смущает» советская идентичность некоторой (правда, небольшой) части современной студенческой молодежи. И в 2002–2004 гг., и в 2005–2007 гг. различная степень идентификации с советским человеком была характерна для примерно 31% опрошенных. Большинство из них живет и учится на востоке и юге Украины. А вот среди студентов западного региона в последнем исследовании мы не обнаружили ни одного респондента, который бы идентифицировал себя подобным образом. Как показал корреляционный анализ, советская идентичность современного студента тесно взаимосвязана с низким материальным уровнем родительской семьи, с невысоким образовательным уровнем и в целом с низким культурным ка-

¹ Под дигитал-компетентностью понимают совокупную компетентность в области современных компьютерных и коммуникативных технологий, специфическую систему ценностей и ценностных ориентаций, в том числе обеспечивающую принятие студентом той или иной идентичности. Кроме того, немало современных студентов одновременно являются членами нескольких (иногда многих) субкультурных групп, объединений. При этом одни из них могут иметь общие ценностные основания, другие – не только серьёзно отличаться, но и конфликтовать между собой. Тем не менее, входя в такие группы, идентифицируя себя с ними, индивид принимает ценности (порой альтернативные) этих объединений, что и предопределяет противоречивость его сознания (как и противоречивость пространства его идентичностей).

питалом родителей, местом проживания студента до поступления в вуз (село, поселок городского типа, райцентр), с традиционализмом его ценностного сознания.

Существенно дополнили полученную нами количественную информацию о пространстве идентичностей украинского студенчества результаты фокусированных групповых интервью. Они засвидетельствовали некоторые противоречия, сложности в определении нашими респондентами своего основного статуса, «главной» социальной идентичности. Казалось бы, чего проще: таким статусом (и, следовательно, такой идентичностью) должен быть статус студента. Однако некоторые участники фокус-групп говорили о том, что они ощущают себя не столько представителями учащейся, сколько работающей молодёжи (естественно, это было характерно прежде всего для «подрабатывающих» студентов), не столько студентом, сколько «субкультурщиком» и т.д. Таким образом, множественное социальное позиционирование современного студента детерминирует его множественную социальную идентичность, отличающуюся «размытостью», неустойчивостью, изменчивостью, вариативностью. Множественное позиционирование, в свою очередь, провоцирует современная социокультурная ситуация, которая отличается тем, что человек, в том числе и, прежде всего, молодой, одновременно может принадлежать к различным социальным сетям, находясь то в одной из них, то в другой, а то и сразу во всех. Пожалуй, наиболее ярко эта тенденция проявляется в студенческой среде. Можно только учиться и быть студентом; можно учиться и работать и быть студентом; можно практически не учиться, но работать и быть студентом; наконец, можно и не учиться, и не работать и тоже быть студентом (или, во всяком случае, считать себя таковым). Феномен работающего студента становится сегодня все более распространенным. При этом наши исследования и личные наблюдения свидетельствуют о том, что один и тот же студент в течение учебного года может неоднократно менять рабочие места или же одновременно занимать несколько из них. Такая мобильность существенно увеличивает число позиций, занимаемых сегодняшними воспитанниками вузов. Каждая из этих позиций (социальных ролей) может требовать от личности не только соответствующих знаний, умений и навыков, но и актуализировать многообразие его идентичностей.

Переживая коренную ломку социокультурных стереотипов, современное украинское общество пока не может предложить молодому человеку сколь-нибудь устоявшихся общепринятых идентификационных стратегий и практик. Складывается достаточно парадоксальная ситуация. Отсутствие таких стратегий, с одной стороны, существенно усложняет процессы социальной идентификации молодёжи, с другой, помогает ей избежать того кризиса идентичности, который переживает старшее поколение. Это означает, что разрушение прежних институциональных структур, идентификационных практик, ценностно-нормативная неопределённость играют не только негативную роль в процессе самоидентификации молодёжи, устойчивости её жизненного мира, но и создают основу для возникновения новых ценностей, идеалов, формируя несистематизированное множество новых образов восприятия окружающей действительности и, следовательно, новых идентичностей. Таким образом, обратной стороной распада старой институциональной структуры является активное конструирование молодёжью новых социальных и индивидуальных образцов и смыслов, что приводит к трансформации пространства её идентичностей.